

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ЛЮКС С ВИДОМ НА КЛАДБИЩЕ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Люкс с видом на кладбище

«ЭКСМО»

2014

Леонов Н. И.

Люкс с видом на кладбище / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2014 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-77350-3

В элитном московском клубе убит помощник министра инноваций и технологий Валентин Сивяркин. Высокопоставленный чиновник погиб мгновенно – от точнейшего удара ножом в сердце. Такой профессиональный удар не мог нанести дилетант, и этот факт навел экспертов на мысль о заказном характере преступления. Дело поручают лучшим столичным сыщикам полковникам Гурову и Крячко. Они немедленно принимаются за работу и вскоре выясняют, что смерть Сивяркина – не первая в клубе. Несколько месяцев назад здесь же был убит известный московский бизнесмен. Аналогичным образом – профессиональным ударом ножа в сердце...

ISBN 978-5-699-77350-3

© Леонов Н. И., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Леонов, Алексей Макеев

Люкс с видом на кладбище

© Леонова О. М., 2014

© Макеев А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Сыщик выхватил пистолет и ринулся в темень двора, непрофессионально громко топая башмаками по асфальту. В этот момент какой-то очень нехороший, нескладный, громко сопящий верзила с обрезом двустволки в руке выскочил из-за угла и выстрелил сыщику в спину. Бах! Мимо! Еще выстрел! Опять не попал!

Сыщик круто развернулся, вскинул пистолет и мгновенно поймал негодяя на мушку. Он расправил плечи, грозно сверкнул очами и начал дежурную обличительную речь, достойную провинциального театра первой половины девятнадцатого века.

Это был своего рода монолог воплощенной добродетели, собирающейся покарать порок.

«Вот ты и попался, Мерзавин! Да, долго мне пришлось тебя ловить, очень даже. Но теперь ты в руках закона, и тебя ждет долгая отсидка, справедливая кара за содеянное. Помнишь, как когда-то ты ограбил банк и удирал от меня на новеньком «Форде», а я безуспешно пытался преследовать тебя на старой «копейке»? Как ты смеялся, оглядываясь назад? Помнишь? Да, ты не забыл! Теперь я догнал тебя на «Ладе Приоре», и твоя отстойная «Мазда» тебе уже не помогла. Ну, все, Мерзавин. Сейчас я защелкну на твоих бандитских лапах наручники, и ты поедешь в Лефортово!»

В этот момент за спиной сыщика, громко кряхтя и громыхая крышкой люка, из канализационной шахты выскочил сообщник Мерзавина, шупловатый долговязый тип в очках с противной мордой садиста-беспредельщика, копия одного из главарей киевского майдана. Он с размаху ударил служителя правопорядка по голове чем-то длинным и, надо думать, чрезвычайно твердым. Тот лишился чувств, очень красиво упал на асфальт и замер в эстетичной, гордой позе, которая могла свидетельствовать о его несокрушимой воле и преданности идеалам законности и справедливости.

Гнусно гогоча и уродливо подпрыгивая, отморозки побежали к поганке «Мазде», угодливо дожидаясь своих скверных хозяев, которые не преминули возможностью попутно лягнуть сиротливую понурую «Ладу Приора». Ее доблестный водитель лежал без чувств, сраженный ударом подлой руки. А преступники рванули в ночную темень. Они продолжали дико гоготать, на ходу булькали водкой, поглощали ее прямо из горлышка бутылки и закусывали палкой сервелата, которой сообщник и нанес коварный удар.

Одним глазом поглядывая на телеэкран, а другим – на накрытый стол, оперуполномоченный главка уголовного розыска полковник полиции Станислав Крячко сокрушенно покрывил головой и тягостно вздохнул:

– Я что-то так и не понял. Это фильм на полном серьезе или пародия на детективный боевик? Если это снято всерьез – то идиотство полнейшее. А если пародия – идиотство тупейшее, – заявил он.

За непроницаемо темным окном, как бы соглашаясь с ним, возмущенно прошумел прохладный сентябрьский ветер, через открытую форточку взметнув оконные шторы.

– О чем ты, Стас?! Это же последний писк мира искусств – экспериментальный проект, который условно можно было бы назвать «Снимаем как умеем», – рассмеявшись, пояснил его друг и приятель, старший оперуполномоченный упомянутой структуры и тоже полковник Лев Гуров. – Видишь ли, нынче пошла мода на, так сказать, новаторство в искусстве. Вон в иных театрах сейчас такое ставят! Вроде бы и классика наподобие «Гамлета», а на деле черт знает что. Киношки уровня какого-нибудь Тинто Брасса смотрятся в сравнении с этим, извините, новаторством образцом целомудрия. Вот и некоторые режиссеры решили поэкспериментировать. Они собирают трупку, случается, даже из непрофессионалов, из первых попавшихся людей. Снимают свою хрень чем придется, вплоть до камеры сотового телефона. Потом все это монтируется, озвучивается. В результате получается именно то, что мы сейчас и видим.

– Торжество воинствующего кича и апофеоз бездарности!.. – подняв пульт и переключившись на другой канал, саркастично заключила Мария Строева, спутница жизни Льва Гурова и ведущая прима одного из лучших столичных театров, который избег увлеченности продвинутой авангардистской пошлятиной. – Недавно читала в либеральной газетенке хвалебную рецензию на этого порнографического «Гамлета». Похоже, автор писал и причмокивал, истекая слюной. Это прямо меж строк просматривалось. Как спектакль, так и рецензия – одна бездарность, превозносящая другую.

– Ага! Я понял, о каком издании речь, – Лев Иванович махнул рукой. – «Неоновый мираж»? Вот-вот!.. Главный редактор – Илона Меркато, лучшая ученица «скусна пера» Быстрыевой. Ее патронесса уже на пенсии, а ученица продолжает бесславное дело своей наставницы. Ну, давайте еще тостик за успех лучшей актрисы всей вселенной и даже ее окрестностей!

– Я только «за»! – с приятным бульканьем наполняя хрустальную рюмку, откликнулся Стас. – И провозгласим не тостик, а тостище! За несравненную, за бесподобную, за...

В этот момент раздался звонок городского телефона.

Гуров поднялся из-за стола и направился к тумбочке из лакированного дубового массива, проворчав на ходу:

– Сто против одного, что это Петруха. И чего ему, ешкин кот, не спится?

Он оказался прав. Это и в самом деле был их со Станиславом друг и начальник генерал-лейтенант Петр Орлов. Он узнал, что Лев и Стас в компании с Марией обмывают ее театральную награду «Золотая Мельпомена», полученную актрисой за лучшее премьерное исполнение роли в новой постановке по Шекспиру, и сокрушенно вздохнул:

– Лева, мне очень жаль, что вас беспокою, тем более в такой момент, – проговорил генерал. – Кстати, передай Марии мои искренние поздравления и наилучшие пожелания! Но ничего не поделаешь. Придется вас со Стасом оторвать и – да, да, да! – отправить на место происшествия. Короче, Лева, произошло убийство, которое может стать очень громким. Хотя информация о случившемся, вплоть до мелочей, в любом случае должна остаться в секрете. Кто бы и что ни выяснял. В первую очередь, разумеется, это касается СМИ.

– Ну вот, ты, как никто другой, умеешь сделать самый лучший подарок в особенно подходящий момент, – с ироничной досадой прокомментировал Гуров. – Как мы сейчас куда-то поедем, на какое-то происшествие, если уже приняли на грудь граммов по двести коньяка?

Однако этот довод Орлова ни в чем не убедил.

– Лева, – укоризненно даже не сказал, а вздохнул Петр. – Что такое двести граммов коньяка для таких мужиков, как вы со Стасом?! А-а-а! Понял! Ты, наверное, имеешь в виду, что вам сейчас нельзя садиться за руль? Не переживай! Машину за вами я уже выслал.

Опустив трубку и прикрыв микрофон рукой, Лев Иванович вполголоса сообщил Станиславу скороговоркой:

– За нами уже вышла машина. Загнал в тупик, зараза!

– Алло, алло, Лева! Ты куда исчез? – с беспокойством проговорил генерал, дуя в трубку. – А! Это ты, поди, Стасу на меня наябедничал? Нет, ну а что прикажешь делать? Тут такая ситуация, что кого попало не пошлешь. Нет-нет, подробностей я пока что и сам не знаю, но понял, что в этом деле замешаны очень даже большие люди.

– Так ты хотя бы скажи, где это случилось, – спросил Гуров. – А то, как говорил Райкин, сплошные рекбусы и крокворды!

– Разумеется, разумеется... Улица Полтинная, дом тринадцать, – поспешил сообщить Орлов. – Что там за богадельня, я и сам пока не в курсе. Мне из министерства дежурный позвонил, сообщил об убийстве, назвал адрес, намекнул, что потерпевший из числа наших столичных ВИП-персон. Больше ничего не знаю.

Прислушиваясь к их диалогу, Крячко изобразил пренебрежительно-ироничную гримасу.

«Да и хрен бы с ними, с этими ВИП-персонами погаными! Такой праздник испортили, раздолбаи!..» – было написано на его лице.

Не менее язвительно был настроен и Лев Иванович.

– Не знаешь? Зато я знаю! – заверил он, перейдя на интонацию телеведущего, начинающего программу о мистике и ужасах. – Там находится тайное логово высокопоставленных вампиров-любителей, один из которых перебрал по части своего любимого напитка или полакомился кровью токсикомана и заработал отравление!

Орлов невольно рассмеялся, но тут же строго откашлялся и укоризненно резюмировал:

– Лева, ведь ты же не Стас! Что за клоунада? Так вы едете или нет?

– Ладно уж, таинственный ты наш, поедем, – с оттенком досады пообещал Гуров. – Куда от тебя денешься, липучего и настырного? Кстати, тебе особая признательность от Марии. Она, я вижу, так счастлива, что даже слов не находит, как бы выразить всю полноту своих чувств.

Мария почти сразу же догадалась, что их посиделки накрылись медным тазом. Она и впрямь несколько поскучилась, хотя виду старалась не подавать. Петр рассыпался в извинениях, тем не менее твердо стоял на своем: надо ехать! Он попросил держать его в курсе и звонить в любое время, когда только понадобится.

Положив трубку, Гуров развел руками и заявил:

– Собираемся. На Полтинной, тринадцать, кто-то кого-то грохнул. Явно из граждан, по недоразумению возомнивших себя элитой.

Стас поднялся из-за стола, что-то припоминая, наморщил лоб.

– Полтинная, тринадцать? – переспросил он. – Полтинная... Постой-постой! Что-то знакомое. По-моему, там какой-то гадюшник. То ли закрытый клуб, то ли что-то наподобие этого.

– Ладно, давайте не будем расстраиваться. – Мария уже вполне оправилась от столь неожиданного финала этого застолья, так замечательно начавшегося, и грустно улыбнулась: – С учетом некоторых обстоятельств тот час, который мы вот так здорово провели вместе, – уже подарок судьбы. В конце концов, Петр мог позвонить гораздо раньше. Тогда наше милое мероприятие вообще закончилось бы, даже не начавшись.

– Красивая женщина – это великолепно. Если она еще и мудрая – это просто потрясающе! – Крячко раскланялся и направился в прихожую, декламируя на ходу: – Урыли честного жигана и форшманули пацана, маслина в пузо из «нагана», макитра набок – и хана!

– Стас, это что за дичь? – недоуменно спросила Мария, тоже выйдя в прихожую и с трудом сдерживая смех. – Какая-то криминальная, мягко говоря, поэзия...

Стас встал в позу древнеримского декламатора и объявил:

– Сие есть пародия на бессмертное творение Лермонтова: «Погиб поэт, невольник чести, пал, оклеветанный молвой». Народный пересказ классического произведения. Там имеются еще и такие строки: «Не вынесла душа напряга, гнилых базаров и понтов. Конкретно кипишнул бродяга, попер как трактор... и готов! Готов!.. Не войте по баракам, нишкните и заткните пасть; теперь хоть боком встань, хоть раком, легла ему дурная масть!»

– Ну, Стас! Это просто какое-то литературное хулиганство! – Строева попыталась возмутиться, но вместо этого рассмеялась, осуждающе хлопнула Крячко ладонью по спине и вернулась в залу.

Опера спустились вниз и сразу же увидели перед подъездом дежурную «Ладу Приора» с хорошо им знакомым сержантом Юркой за рулем.

Садясь в салон, Стас вполголоса отметил:

– «Приора»!.. Продолжение киношки наяву.

Гуров ничего на это не ответил, лишь понимающе усмехнулся. Он знал, что для Станислава нет машины лучше его собственного старинного «Мерседеса», с некоторых пор отменно отремонтированного. Юрка включил передачу, и машина тут же помчалась по ночной улице, залитой несколько неестественным светом фонарей.

– Лев Иванович, вопрос позволите? – неожиданно спросил сержант, лихо проругив через перекресток, на котором замерли два крепко поцеловавшихся иностранца – «Форд» и «Рено».

– Давай. Что там за вопрос?.. – Лев Иванович сдержанно кивнул.

– А вот мы едем на Полтинную, тринадцать, – заговорил Юрка, чему-то непонятно улыбаясь. – Это не около пивбара «Бир Бэр»? Это ж там месяца два назад какого-то торговца застрелили?

Гуров оглянулся на Стаса. Тот, наморщив лоб, что-то напряженно вспоминал.

– Юра, а на убийство тогда кто выезжал? – уточнил Гуров.

– Так майор Крайний им занимался. Я его туда возил. В общем, куда и по каким делам тот мужик приехал, я так и не понял. Да и майор, по-моему, не слишком въехал. Короче, тот тип остановился между пивбаром и каким-то старинным домом. Там фирма, что ли, какая-то?.. Стал выходить из своей тачки, и тут к нему на хорошем гоночном байке подскочил какой-то крутяк, в упор выпустил в него несколько пуль и тут же смылся. Никто сразу ничего и понять не смог.

– Что-то я про этот случай ничего не помню, – откликнулся Крячко, недоуменно пожимая плечами.

– Я как будто что-то такое слышал, но только мельком. – Лев Иванович потер лоб и тут же хлопнул ладонью по коленке: – А-а! Вспомнил! Это произошло-то как раз тогда, когда мы занимались исчезновением Тома Хантли, он же герцог Урриморский. А на тот момент мы летали на Алтай. У нас и потом хватало суматохи через край. Когда вернулись в Москву, мы еще и провожали этого англичанина. Вот поэтому та история и прошла мимо нас, в памяти толком не отложилась. Вспомни, недели три назад на планерке Андрюхе Крайнему таких шишек отсыпали за глухаря, кисло не показалось! Он же прояснить в том деле так ничего и не смог, все зависло и зачало.

– А-а, вон ты о чем, – Стас категорично махнул рукой. – Там – да, вообщедохлое дело. Абсолютно никаких зацепок. Сработал профессионал высокого класса. Видимо, подготовку прошел на уровне спецназа ГРУ.

– Вот уже и зацепка, – с иронией проговорил Гуров. – Только пусть это останется в секрете. Разве что Крайнему втихаря такую подсказку сделать. А объявим об этом вслух – на нас же хомут и повесят. Тогда придется перейти на круглосуточный режим работы.

Улица Полтинная представляла собой мешанину старых каменных особняков купеческого фасона и современного современного новостроя. Из-за этого ряды домов, идущих по обеим ее сторонам, напоминали чьи-то челюсти, где наполовину стертые пеньки чередовались с хорошо сохранившимися клыками и резцами.

Подрулив к парковке, Юрка с хохмаческой торжественностью объявил:

– Прошу обратить внимание! Слева – пивбар «Бир Бэр», а справа – тот самый дом номер тринадцать.

Сыщики вышли из машины и огляделись. Пивбар, функционировавший почти круглосуточно, прилепился боком к высотке из стекла и алюминия. В это время заведение было безлюдным. Впрочем, в тени разросшихся туй были заметны силуэты тех, кто, скорее всего, недобрал в стенах бара и теперь уже на улице восполнял недополученные градусы.

Метрах в тридцати справа виднелся освещенный фасад старинной двухэтажки с лепниной и фигурной кирпичной кладкой, с выступающими из стены полуколоннами и пристроенным просторным вестибюлем. К нему вела широкая каменная лестница с перилами, на которых в самом низу возлежали два каменных льва.

Здание уходило далеко в глубину двора. Часть его окон, зашторенных чем-то голубым, светилась изнутри, остальные были непроницаемо черны. Перед фасадом здания на газонах между туями и кипарисами лежали огромные каменные глыбы, красноватые и светло-зеленые, угловатые и гладко обкатанные.

– Смотри-ка, какие интересные эрратические валуны! – заметил Гуров, на ходу кивнув в их сторону.

– Эрратические?! – переспросил Станислав, ошарашенно захлопав глазами.

Лев Иванович иронично улыбнулся:

– Ай-ай-ай! – Он укоризненно вздохнул и пояснил: – Стас, не эрратические, а эрратические, то есть принесенные ледником. Да, лишний раз убеждаюсь, насколько права поговорка, гласящая, что голодной куме – одно на уме.

– Вот зараза! – возмущенно, хотя и вполголоса парировал Крячко. – Спецом же впахнул это словцо, чтобы иметь возможность поприкалываться. Небось специально его нашел и выучил, всезнайка ты наш! Что, скажешь, я не прав?

– Отчасти, – согласился Лев Иванович. – Это нам еще на уроках наша географичка рассказывала. Где-то в памяти застряло, а тут вдруг вспомнилось. Ну а насчет прикола ты прав полностью. Причем, согласись, он вполне удался.

Поднявшись на крыльцо, они увидели солидного бородатого швейцара с плечами штангиста, кандидата, а то и мастера спорта. Привратнику на вид было около сорока. Бороду, скорее всего, он отпустил лишь для того, чтобы соответствовать своему высокому статусу. Швейцар недвижимо стоял у резной остекленной двери старинного фасона. Рядом с ней на стене вестибюля висела табличка, извещавшая, что здесь находится консалтинговая фирма «Ноу-Хау-Вест».

– Простите, господа, вы по какому делу? – сочным рокочущим басом поинтересовался швейцар.

– Главное управление уголовного розыска, – показав удостоверение, уведомил его Гуров.

– Прошу! Вас ждут! – Привратник кивнул и распахнул дверь.

Опера шагнули в вестибюль, роскошно отделанный ценными породами дерева. Они сразу же обратили внимание на двух верзил-охранников. Те недвижимыми монументами стояли по обе стороны этого помещения и безразлично взирали на гостей. Примерно так два избалованных кота смотрели бы на предмет, пусть, может быть, и интересный, но никак не похожий на миску со сметаной.

Полковники открыли еще одну дверь и оказались в просторном холле, похожем на филиал Лувра или Зимнего дворца. Под расписным потолком ярко светило несколько люстр, переливающихся всеми цветами радуги. Стены холла украшали картины, написанные в стиле классической «обнаженки».

Вдоль стен стояли диваны с сафьяновой обивкой. Ради ее сотворения наверняка пришлось расстаться с жизнью и шкурами не одному десятку коз. На них сидели чрезвычайно небедно одетые люди разных возрастов обоюбого пола. Всего тут насчитывалось около четырех десятков человек. Перед этой публикой, разодетой в наряды от-кутю, блистающей украшениями, стоившими минимум десятки тысяч долларов, несколько нервозно расхаживал представительный мужчина в смокинге с дымящейся сигарой в руке.

Он умоляюще втолковывал:

– Господа, очень прошу вас проявить понимание и терпение. Надеюсь, это ненадолго. Поймите правильно – имело место крайне неприятное ЧП. Я очень не хотел бы, чтобы на кого-то из здесь присутствующих пали подозрения. Согласитесь, нежелание встретиться с представителями правоохранительных органов может повлечь ненужные кривотолки и сомнения в чьей-то искренности и невиновности. Господа, умоляю, давайте проявим ответственность и выдержку.

По холлу бесшумными теньями ходили несколько человек из обслуги, что явствовало из их ливрей. Они разносили всем желающим фруктовые напитки и минеральную воду, вино, коньяк и сигары.

Операм сразу же бросилось в глаза, что почти все присутствующие выглядели напуганными и растерянными. Несколько дам нервно курили в углу у роскошной пальмы, растущей в большей емкости, украшенной мозаикой из отблескивающей смальты.

Взгляды большинства дам и господ, скорее всего здешних завсегдатаев, тут же устремились на Гурова и Крячко. Субъект в смокинге последний раз пыхнул сигарой, торопливо отправил ее в напольную пепельницу и направился навстречу операм.

– Вы из главка уголовного розыска? – спросил он с надеждой в голосе.

Этот господин услышал утвердительный ответ, заглянул в развернутые удостоверения и торопливо закивал. Он давал понять, что не имеет и тени сомнения в том, кто именно прибыл в это заведение.

Тип в смокинге чуть откашлялся и перешел на официальный, деловой тон:

– Господа, позвольте представиться – топ-менеджер клуба по интересам «Сады Астарты» Антоновский Евгений Эрастович. Прошу вас пройти в будуар, где вы сами все увидите. Там произошло убийство, для нашего заведения – случай совершенно немыслимый. Клянусь, это не просто слова. Мы существуем уже несколько лет, и у нас за все это время не произошло ни одного самого пустячного скандала. Я ни разу не замечал ни единой, даже мимолетной ссоры. А тут такое!..

– Как я понял из названия, ваше заведение «по интересам» фактически представляет собой свингер-клуб, где супружеские пары участвуют в... – Стас хотел сказать «свальном грехе», но передумал и несколько смягчил формулировку: – В интимных действиях, сопряженных со сменой партнеров. Не так ли?

Это замечание Крячко на топ-менеджера явно подействовало, как вид палки на шкодливого кота.

Антоновский сокрушенно вздохнул, снова закивал в ответ и промямлил:

– Видите ли, господа, это не совсем так. У нас здесь постоянно действующий лекторий, консультативный центр, дискуссионная площадка, несколько различных студий. Но мы не препятствуем персональным устремлениям людей, которые желают чего-то особенного. Новая эпоха, знаете ли, иные веяния, современные нравы. Что поделаешь?.. – Он изобразил некий многозначительный жест. – Люди желают получить те или иные услуги – мы им их предоставляем. Но даже если у кого-то с кем-то и произошло свидание, сопряженное с... реализацией их личных, интимных устремлений, то это вовсе не проституция. Ни в коем случае! Здесь нет платного предоставления сексуальных услуг. Это всего лишь форма развлечения взрослых людей, утомленных семейным однообразием. Их чувства уже притупились. Они хотят встряхнуться, освежиться, ощутить второе дыхание. На Западе это давно уже обыденное явление. Мы же, как и всегда, в роли догоняющих. Прошу сюда! – Он указал на лестницу, усланную ковром, с роскошными перилами, покрытыми позолотой.

– Знаете, я не уверен в том, что в этом плане мы кого-то должны, так сказать, догонять и перегонять, – заявил Гуров. – Кстати, Евгений Эрастович, мы с вами раньше никогда не встречались? Почему-то ваше лицо мне показалось удивительно знакомым.

Антоновский свернул из гостиной второго этажа в один из боковых коридоров, категорично помотал головой, сокрушенно рассмеялся, как бы с сожалением разводя руками.

– Нет-нет, Лев Иванович, с вами мы никогда ранее не встречались, – заверил он. – Разве что, может быть, пересекались где-то чисто случайно. Вы не были в прошлом году на московском биеннале современного искусства «Грезы любви»? Зря!.. Много потеряли. Это было нечто необыкновенное. Именно на таких мероприятиях я и бываю чаще всего. Еще люблю посещать премьеры театрального андеграунда. Пожалуйста, сюда!

– Вы имеете в виду постановки, где от классики остаются рожки да ножки, об искусстве судят по степени оголения актеров и тому, сколь часто они прилюдно занимаются сексом? – осведомился Крячко и иронично прищурился.

– Станислав Васильевич, а что есть искусство? – риторически, с философской глубиной в голосе, спросил Антоновский, открывая дверь, украшенную, как и все прочие, голубками, амурами и сердцами, пронзенными стрелами. – Предлагаю вашему вниманию ужасную картину, написанную кровью. Это ведь тоже своего рода искусство, только оцениваемое судом присяжных. Прошу! Если что-то потребуется – говорите. Я готов немедленно оказать вам любое необходимое содействие.

Опера прошли следом за ним в богато обставленное помещение, освещенное бра с лампочками, стилизованными под свечи, с кроватью, судя по ее размерам, рассчитанной на пятерых, на которой были хаотично разбросаны постельные принадлежности. На полу помещения сыщики увидели распростертое тело мужчины, уже достигшего того возраста, который принято именовать средним. Одежды на мужчине не было вообще, если не считать темно-синего шелкового плаща-накидки наподобие тех, что носили во времена мушкетерских дуэлей. На голове была надета старинная шляпа-треуголка с «веселым Роджером» на одном из отворотов. Вероятнее всего, он изображал из себя пирата.

Но самое главное, что бросилось в глаза операм в этой картине, – рукоять ножа, вонзенного в левую сторону груди. Они переглянулись и без слов согласились с тем, что такой удар мог нанести только профессионал, не испытывавший ни малейших сомнений, переживаний или волнений. Убийца спокойно подошел к своей жертве, размахнулся и вогнал нож в грудь четко выверенным движением.

Сыщики обратили внимание на выражение безмерного удивления и ужаса, написанное на лице убитого мужчины. Судя по всему, того человека, который пришел за его жизнью, потерпевший увидел лишь в последний миг своего земного бытия. Вероятно, он даже не успел вскрикнуть.

– Та-ак... – обойдя труп со всех сторон, хмуро протянул Гуров. – Каких-либо отпечатков пальцев тут обнаружить не удастся.

– Сто пудов – глухарь! – досадливо констатировал Крячко.

– Рассказывайте, кто это, чем он тут занимался, кто с ним был, – Лев Иванович строго взглянул на Антоновского.

Кивнув в ответ, топ-менеджер сообщил о том, что этот мужчина, Валентин Сивяркин, являлся постоянным членом клуба. Он был помощником федерального министра инноваций и технологий. Антоновский рискнул сообщить об этом Гурову только шепотом и на ухо. В клуб Сивяркин прибыл около восьми вечера со своей женой Юлией. Они поучаствовали в дискуссии по поводу такого вопроса, как преимущества и недостатки жизнеустройства пар чайлд-фри, то бишь придерживающихся бездетности. Чета Сивяркиных являла собой именно такую пару, бездетную не просто так, а идейно.

Час спустя, пообщавшись в гостиной с некоторыми членами клуба обоего пола, Валентин взял ключ от одной из комнат, предназначенных для медитации, и прошел сюда вместе с Жанной Гойдо, известной телеведущей, состоящей в браке с серьезным бизнесменом Романом Гойдо, владеющим контрольным пакетом акций нескольких крупных торговых компаний.

– А сам Роман Гойдо это видел? Он сейчас здесь? – насторожился Крячко.

– Да, разумеется! – поспешно подтвердил Антоновский. – Супруги в нашем клубе уже давно, почти с самого его открытия. Он и сам очень часто медитирует в компании с кем-нибудь...

– Женского пола? – иронично уточнил Стас.

– Ну, в общем-то, да, – не очень охотно подтвердил топ-менеджер.

Как он поведал далее, медитировать Гойдо чаще всего предпочитал сразу с двумя-тремя дамами, в число которых частенько входила и Юлия Сивяркина – ведущий креативный модельер одного из столичных домов моды.

– Поэтому ни о какой ревности тут, разумеется, не может быть и речи, – подчеркнул Антоновский.

– Тем не менее мы вынуждены констатировать, что в данном заведении, наряду с заявленными формами досуга вполне пристойного свойства, практикуются и такие формы «отдыха», которые имеют признаки организованного разврата. В таком случае ваше учреждение вполне можно считать притоном, – сухо вато резюмировал Гуров. – Я так понял, вы попросили наших коллег сузить до минимума число тех, кто мог бы оказаться очевидцем данного происшествия?

Антоновский уже в который раз издал сокрушенный вздох и подтвердил это. Учитывая элитарный состав мужчин, членов клуба, и их спутниц, он лично позвонил в Министерство внутренних дел. Ему было достаточно сообщить лишь несколько фамилий, чтобы его собеседники тут же сделали соответствующие выводы. Там в момент поняли, что в случае утечки информации скандал получится грандиозный.

– Нет, уважаемый! – Крячко чуть наморщил нос. – Круг осведомленных лиц в любом случае придется расширить. Для проведения нормальных следственных действий нам необходимы судмедэксперт, криминалисты, да и кинолог с собакой был бы не лишним.

– Но допрашивать и брать, скажем так, какую-то личную информацию будем только мы со Станиславом Васильевичем, – подсластил пилюлю Гуров. – Это я могу обещать твердо.

– Что ж, и на этом спасибо, – безрадостно согласился топ-менеджер. – Кого вы хотели бы видеть в первую очередь?

– Безусловно, Романа и Жанну Гойдо, а также Юлию Сивяркину, – доставая сотовый, деловито пояснил Лев Иванович.

Он набрал номер Орлова и почти сразу же услышал заspanный голос:

– Да, Лева, слушаю!

Гуров рассказал Петру о том, что они со Стасом увидели на месте происшествия, и попросил в срочном порядке прислать судмедэксперта Дроздова, дежурную команду криминалистов, а также кинолога с собакой.

Выслушав его, Орлов немного о чем-то поразмышлял, после чего из трубки донеслось:

– Хорошо, минут через пятнадцать будут. Только ты смотри, слишком уж эту публику не прессуй. Иначе завтра же либералы взвоят. Мол, злые менты превратили свингер-клуб в пыточную избу.

Опера следом за Антоновским прошли на первый этаж и заняли помещения, отведенные им. Гуров обосновался в небольшом конференц-зале. Стасу достался какой-то административный кабинет с сейфом и металлическим шкафом для бумаг, закрытым на замок.

Топ-менеджер заглянул к Гурову и не очень уверенно спросил:

– К вам уже можно? Роман Алексеевич, прошу!

Из-за двери появился рослый мужчина с насупленным лицом. Он прошел к столу, плюхнулся на стул и окинул Льва Ивановича неприязненным взглядом. Гуров задал ему дежурные вопросы, занес ответы в протокол и поинтересовался, как Роман Гойдо проводил время в стенах данного заведения. Тот, все так же строя из себя небожителя, сообщил, что приехал сюда со своей женой, чтобы по-человечески отдохнуть. По его словам, после окончания дискуссии ее участники занялись тем, что каждому больше по вкусу. Лично он, Роман Гойдо, предпочел медитацию по системе раджа-йога в компании с Юлией Сивяркиной и Тамарой Крубновой. О том, что произошло с Валентином Сивяркиным, он узнал от Антоновского, который постучал в дверь будуара, прервал их коллективную медитацию и сообщил о случившемся.

– А вот как вы относитесь к тому, что ваша жена в это же самое время тоже, так сказать, медитировала в компании с Валентином Сивяркиным? – совершенно сухо, сугубо официально поинтересовался Лев Иванович, испытующе глядя на своего собеседника.

Роман изобразил снисходительную улыбочку и пренебрежительно взглянул на сыщика, давая понять, что этот вопрос совершенно неуместен.

– У нас свободные отношения. Мы не сковываем друг друга пустыми условностями, – неспешно процедил он.

Как явствовало из дальнейшего разговора, у Романа Гойдо этот брак был третьим. При этом ни один из своих союзов он не оформлял в ЗАГСе. К женщинам бизнесмен относился как к расходному материалу – попользовался и выбросил. Поэтому ревновать и тем более на кого-то покушаться из-за, условно говоря, жены он даже и не помышлял.

После Романа к Льву Ивановичу вошла пышногрудая, но довольно стройная крашенная блондинка лет тридцати с небольшим, которая выглядела угнетенной и подавленной. Это была Жанна Гойдо, напарница Сивяркина по своеобразной медитации. Гуров задал ей те же самые дежурные вопросы, а потом Гуров попросил рассказать о том, что происходило между нею и Валентином Сивяркиным в будуаре и как именно произошло убийство.

Как видно, Жанна была кем-то хорошо проинструктирована. Она достаточно уверенно заявила о том, что они с Валентином всего лишь медитировали по системе раджа-йоги, имитировали интимные отношения, не вступая в физический контакт.

– Это был как бы тренинг для реальных отношений с мужем, – со значением в голосе подчеркнула Жанна. – С Вале́й мы отработывали ролевую игру, где я была графиней, попавшей в плен к пиратам, а он – капитаном их судна. Валентин объяснил мне мизансцену нашего спектакля. Он как бы врвался в каюту, в которой находилась я, связанная, с какой-то тряпкой на лице, закрывающей глаза. А я должна была умолять меня не трогать. И вся задача была в том, чтобы я не пережала по части жалости к себе, чтобы мои просьбы не убили в нем желания. – Жанна отчего-то засмушалась и замолчала.

Гуров, сохранявший абсолютно безразличный вид, суховато обронил:

– Дальше?

– Ну и по его команде мы разыграли эту сценку. – Женщина пожала плечами. – Я сидела на постели и упрашивала его меня пощадить. Он, изображая безжалостного злодея, приближался ко мне и говорил о том, что сейчас же, немедленно овладеет мною. В какой-то момент Валентин внезапно замолчал, и я услышала, как что-то тяжелое упало на пол. Я его окликнула, но он не ответил. Я почувствовала что-то неладное, стащила с глаз повязку и увидела Валу́ лежущим на полу с ножом в груди. Какой-то миг я еще надеялась, что он экспромтом ввел новый элемент игры. Но мне тут же вдруг стало ясно – Валентин убит. А вот кем и почему – этого я не могу понять до сих пор. Как убийца проник в номер – тоже совершенно непонятно. Дверь была заперта. Снаружи ее можно открыть только при помощи специальной карточки с магнитным кодом.

– А у кого есть такая карточка? – заинтересовался Гуров.

– От этого замка их всего три. У горничной, у меня и Валентина.

– Кто горничная? Как зовут?

– По-моему, ее зовут Наташей. Это у Евгения Эрастовича можно будет уточнить. Я сразу же нажала тревожную кнопку. Прибежали двое охранников, помогли мне освободиться от пут, а потом пришел Евгений Эрастович. Я ему все рассказала, и он позвонил в полицию.

– Кто охранники, как зовут? – уточнил Лев Иванович.

Жанна отрицательно помотала головой:

– Даже не представляю. Здесь вообще-то не поощряется установление знакомств между посетителями клуба и прислугой, – пояснила она.

Гуров пригласил к себе Антоновского и распорядился, чтобы к нему прислали горничную Наталью и двух охранников, которые первыми вошли в будуар к Жанне.

Стас тем временем выяснял обстоятельства пребывания в «Садах Астарты» Юлии Сивяркиной и Тамары Крубновой, жены владельца крупной транспортной компании. Юлия, подвижная шатенка с явно силиконовым бюстом, выглядела крайне расстроенной. На вопросы она отвечала в том же ключе, что и собеседники Гурова. Здесь нет никакого секса, только

лекции, диспуты и медитация. О том, кто желал бы смерти ее мужу, Юлия не могла сказать даже приблизительно. По ее мнению, Валентин был человеком абсолютно бесконфликтным, отзывчивым и безусловно положительным во всех отношениях. Почти слово в слово это же повторила и Крубнова.

После них сыщики уже «поточным методом» пропустили всех прочих, задавая главный вопрос – не видел ли кто-нибудь чего-то странного и непонятного. Как и следовало ожидать, никто ничего подобного не заметил. Напоследок дали показания сам Антоновский, охрана и прислуга.

В тот момент, когда Лев Иванович беседовал с Наташей, этакой пампушкой с ржаными волосами и свекольным румянцем щек, к нему неожиданно, без стука, вошел известный столичный адвокат Гарри Бугва. Этот субъект с крупными чертами лица, лысиной вполголовы и кожаной папкой под мышкой с ходу начал «ставить» себя, демонстрировать свою значимость и крутизну.

– Считаю совершенно недопустимым проведение опроса свидетелей в столь поздний час. Вы причиняете людям моральные и физические страдания! – с апломбом заявил он, величественно поводя руками. – Уважаемая, этот господин оказывал на вас какое-то давление? Он заставлял вас признаваться в том, чего вы не совершали? – Адвокат эдаким буревестником посмотрел на вконец растерявшуюся горничную.

Та с растерянным видом отрицательно покачала головой. Бугва тут же истолковал это по-своему:

– Вот видите, господин Гуров, как вы запугали человека – в вашем присутствии данная гражданка даже слово боится сказать!..

Лев Иванович от души рассмеялся в ответ и поинтересовался:

– Вас Антоновский, что ли, вызвал?

– Гм... Это неважно! Главное, я прибыл вовремя и не позволил совершиться полицейскому произволу. Что это у вас тут за намеки относительно существования в этих стенах свингер-клуба? С чего вы вдруг это взяли?

– Исходя из совокупности фактов, которые и дали мне основание сделать такой вывод, – невозмутимо проговорил Гуров. – Наличие помещений со спальными местами, нахождение в них людей, раздетых донага, времяпровождение супружеских пар, которое естественным никак не назовешь. Все признаки секс-притона налицо.

Бугва хлопнул себя по боку рукой и осведомился:

– У вас дома спальные места есть? – Адвокат вскинул к потолку указательный палец. – Есть. Если к вам придут знакомые и попросят в спальню на пять минут, чтобы устранить беспорядок с одеждой, а вместо этого займутся там любовью, то вашу квартиру в таком случае тоже надлежит считать секс-притоном?

– Наташа, скажите, чем занимаются члены клуба в будуарах, для чего они обмениваются женами и мужьями? – простецки, даже чуть скучаяще, поинтересовался Лев Иванович. – Эти господа не предлагали вам вместе с ними заняться медитацией?

Женщина застенчиво улыбнулась, что-то хотела сказать, но Бугва поспешил ее перебить:

– Наташа, ни слова! Вы имеете право не отвечать на этот вопрос!

Не тая иронии, Гуров как бы про себя вполголоса резюмировал:

– Не беда! Вы здесь один, а нас двое. Думаю, Станислав Васильевич уже успел найти достаточное число доказательств того, что здесь находится именно притон, а не что-то иное.

Бугва некоторое время оторопело таращился на него, потом растерянно шлепнул варениками губ, громко засопел своим шнобелем и поспешно выскочил в коридор. Наталья, видевшая все это, негромко рассмеялась. При этом было заметно, что ее что-то очень тяготит.

– Вы, я вижу, хотели бы что-то мне рассказать, но отчего-то боитесь это сделать, – задумчиво констатировал Лев Иванович, окинув ее изучающим взглядом.

Та испуганно дернулась и начала уверять сыщика в том, что больше ничего не знает и говорить ей не о чем. Из чего Гуров сделал окончательный вывод: она непричастна, но что-то знает наверняка.

В этот момент дверь снова распахнулась. Вошел судмедэксперт Дроздов, как всегда несколько заумно-задумчивый.

– Не помешал? – флегматично спросил он, с трудом сдерживая зевок. – В общем, смерть наступила примерно час назад, причина – удар ножом в сердце. Сработано исключительно точно, как на стенде. Криминалисты просили сообщить вам, что на рукояти ножа нет отпечатков пальцев. Они не нашли каких-то утерянных пуговиц, зажигалок и прочего. Как будто там побывал бесплотный дух. На дверных ручках отпечатков полно, но почти все смазанные. Катафалк я уже вызвал, с усопшим завтра еще поработаю, но, скорее всего, это вряд ли хоть что-то добавит.

Лишь к четырем утра следственные действия в «Садах Астарты» наконец-то удалось закончить. Лев Иванович пришел домой где-то в пять и смог поспать лишь каких-то часа три. Проснулся он сам, без будильника, словно кто-то толкнул его в бок. Гуров быстро покончил с утренними процедурами и завтраком, а потом отправился на работу.

Глава 2

Лев Иванович прибыл в главк уже в десять, когда лужицы дождика, пролившегося под утро, уже начали подсыхать под лучами солнца, выглянувшего из туч. Поднявшись на крыльцо, он увидел Станислава, торопливо шагающего по улице. Это было настолько неожиданно, что Гуров не мог не улыбнуться. Прийти на работу пусть и поздним утром, но после бессонной ночи для Крячко было настоящим подвигом.

Не заходя в свой кабинет, приятели напрямую отправились к Орлову. Тот, как видно, этой ночью тоже спал мало и плохо, выглядел усталым, осунувшимся.

Поздоровавшись и протерев кулаками глаза, он поморщился и со вздохом поинтересовался:

– Ну и чего там?

Выслушав достаточно лаконичный доклад, Петр тяжело задумался, потом помотал головой и сердито стукнул кулаком по столу.

– Твою дивизию! – вполголоса пробормотал он и уже громче пояснил: – Вот ведь какой геморрой свалился на нашу голову! Мне сегодня часов с пяти утра называют всякие большие чины, которые требуют немедленно вынуть из кармана и положить на стол негодяя, виновного в смерти Сивяркина. Прямо впору самому, задрав штаны, бежать по улицам города на ловлю мокрушников. Даже позавтракать не дали. Только сел за стол – звонок: «А чего это до сих пор нет подозреваемых и задержанных?» Я сказал, давайте, мол, возьмем пару человек уровня гендиректора телеканала ЛТР Шлимцева или Рязанина – главного продюсера кинокомпании «Эксперимент-ТТТ». Они тут же пятками назад: «Вы нас неправильно поняли. Просто мы хотим, чтобы вы поскорее нашли виновных». Ну и лучший друг из нашего министерства напомнил о себе: «Когда приступите к работе? Все еще копаетесь и раскачиваетесь? Эти твои хваленые Гуров и Крячко горазды только скандалы устраивать. Вон на всю Европу уже прославились, им уже и въезд запрещают!..»

Лев и Станислав, переглянувшись, дружно рассмеялись – надо же, какой актуал выискался!

– Да, вот такие претензии! – Орлов изобразил витиевато-ироничный жест. – Ну, я ему и сказал, что быть в одной компании с такими невъездными персонами куда почетнее, чем с людьми, подвергающими сомнению государственную политику в области права. Он: «О чем это вы?» Говорю ему: «Им закрыли въезд в ряд стран по той причине, что они поддержали законы о запрете пропаганды гомосексуализма, усыновления наших детей в США и об НКО. Следует понимать, что вы придерживаетесь противоположного мнения?» Он тут же заткнулся, похоже, обделался по полной – аж в телефоне забулькало! – и тут же бросил трубку.

Вскинув большой палец, Стас энергично кивнул и заявил:

– Классный апперкот! Это ты его, можно сказать, отправил в моральный нокаут. Но знаешь, таких поганеньких людишек в наши дни, к великому сожалению, с переизбытком. Наш народ я уважаю и ценю, но, увы, немалое число своих сограждан считаю быдлом и отбросами, независимо от их социального положения. Вот пример из жизни. Недавно моего соседа по двору наши, так сказать, коллеги попытались отправить на нары по высосанному из пальца обвинению. Он дал подзатыльник одному зарвавшемуся щенку, папочка которого – наш участковый. Мужика загребли в КПЗ да еще и наркоту ему подкинули!..

– Ну так ты бы вмешался! – Орлов свирепо засопел.

Он край как не любил, если сотрудники органов вели себя не лучше отморозенных уроков.

– Так я и вмешался. – На лице Станислава мелькнула победоносная улыбка. – Пошел в этот райотделовский гадюшник, стал разбираться, что там да как. У этих всех – полны штаны пессимизма. Начали выкручиваться. Да мы не такие, да мы на копейчку дороже. А я их сразу

предупредил: если с моего соседа хоть волос упадет, всех наизнанку выверну. Найду у любого столько грехов, что кое-кому самому придется мотать реальный срок. Ребятки тут же прижухли и заткнулись. Объявили, что претензии сняты, и прямо при мне выпустили соседа из «обезьянника».

Гуров с сожалением усмехнулся и заметил:

– Это, мужики, следствие селекции наоборот. По-моему, об этом я уже говорил не раз. Войны, революции, репрессии выбивают самых, самых, самых. А вот оставить потомство, к сожалению, чаще имеют шанс трусоватые, вороватые, подхалимистые, но при всем том наглые и беспринципные особи. А порода – это всегда порода. И у лошадей, и у собак, и у людей. От вора чаще всего рождается вор, от отморозка – отморозок, от смелого – смелый, от труса – трус. Хоть это и горько, но приходится признать, что мы как народ, к сожалению, мельчаем. Ой мельчаем!..

Проведя по лицу ладонями, Петр крепко зажмурился. Даже не спрашивая, можно было догадаться, как у него ломит в темени и висках.

Потом он несколько глуховато поинтересовался:

– Ну-ка, что это там за сдвинутый по фазе райотдел? Сегодня же созвонюсь с городским УВД! – Генерал сделал пометку в блокноте и бросил авторучку на стол. – Что у вас там на сегодня? В какую сторону думаете копать?

– Сейчас поеду в этот бордельчик на Полтинной, изучу его досконально. – Лев Иванович говорил размеренно и деловито. – Мне почему-то думается, что убийца не из состава этих свинтусов, то есть свингеров. Во всяком случае, из всех тех, кого допрашивал, ни в одном явного убийцу я не почувствовал. Да и у Стаса вроде бы то же самое.

– Да-да, – Крячко изобразил глубокую задумчивость и утвердительно кивнул. – Публика там бойкая только по части постельных подвигов. А вот насчет того, чтобы кого-то ножом пырнуть, да еще так профессионально, – это вряд ли.

Дав Станиславу договорить, Гуров продолжил:

– Значит, надо будет просчитать, каким образом убийца смог проникнуть в клуб. Кстати! Есть одна особа из obsługi, которая, я так понял, что-то знает, но боится об этом рассказать. То ли запугана, то ли это может касаться кого-то из ее близких – непонятно. Но она – сто против одного – что-то видела, что-то знает. Надеюсь, в ближайшее время женщина все же соберется с духом и расскажет. Слушай-ка, Стас, а может, ты попробуешь подобрать ключики к ней?

Станислав саркастично хохотнул, укоризненно покрутил головой и заявил:

– Ну, блин, опять почетное задание. Надо же, как низко я пал! Ладно уж, рискну, хотя за результат не ручаюсь. Она кто там?

– Горничная со второго этажа. – Гуров признательно улыбнулся и подмигнул: дескать, молоток, дружище, поддержал! – Обслуживает помещения в том коридоре, где будуары с тринадцатого по восемнадцатый. Зовут Наташей. Симпатичная, доброжелательная, скромная. Координаты и телефон имеются – надо только поднять бумаги.

– Ах! Я уже горю от нетерпения!.. – Стас обхватил себя руками, изображая томительную негу.

При его мощной фигуре и воловьей шее, на которой, что называется, хоть дуги гни, со стороны это смотрелось более чем уморительно. Орлов снисходительно хмыкнул и коротко махнул рукой. У Крячко вечно шутовство на уме.

– Из всех возможных причин убийства основной считаю месть, – продолжил Лев Иванович с абсолютно невозмутимым видом. – Ограблением тут и не пахнет. О ревности даже говорить смешно. Остается только месть и в гораздо меньшей степени – профессиональная деятельность. Отсюда следует вывод, что нужно тщательнейшим образом изучить, чем покойничек занимался последнее время, проработать всю его биографию.

– Кстати, Лева, а вот Антоновский показался тебе знакомым, – напомнил Крячко, в момент перейдя от ломания комедии к полной серьезности. – С этого конца, я думаю, какие-то зацепки тоже возможны.

– Да, это факт. – Гуров утвердительно кивнул. – Странный случай. Почему-то я, можно сказать, уверен на все сто: мы с ним когда-то сталкивались. Тут и к гадалке не ходи. Только вот где именно, никак не могу вспомнить. Да и его реакция на мое появление сказала о многом. Как он сразу начал отнекиваться, когда я сказал, что мы с ним уже сталкивались! По его же глазам было видно: врет. Он меня узнал! И это его здорово напугало. Как бы, ешкин кот, этот господин не ударился в бега. Наши ребята вчера сняли все пальчики, имевшиеся на дверной ручке будуара. Надеюсь, его отпечатки сохранились достаточно хорошо. Если нет, то придется их как-то раздобыть.

– И еще момент, – Крячко вскинул руку. – Этот бордель именуется «Сады Астарты». Он назван по имени какой-то там языческой богини, вроде бы покровительницы секса. Вот!.. Не могло так получиться, что на волне нынешнего сектанства у нас появились язычники, поклоняющиеся этой самой Астарте? Вдруг это убийство – в некотором смысле ритуальное жертвоприношение, а?

Гуров и Орлов на это предположение отреагировали каждый по-своему. Лев Иванович задумчиво откинулся на кресле и с некоторым сомнением повел головой, как бы желая сказать: «Теоретически-то возможно и это, а вот практически – слишком уж лихо закручено». Петр же эту мысль отмел с ходу как совершенно нереальную. Ну, скажите, пожалуйста, откуда в России может появиться культ Астарты?!

– Значит, сегодня свингер-клуб, горничная Наташа и Министерство инноваций и технологий, – завершая свою критичную тираду, уже почти оптимистично резюмировал генерал. – Ну, неплохо. За дело, мужики! Я сейчас тоже уезжаю. У нас будет архиважное совещание по вопросу улучшения раскрываемости.

Опера зашли к себе и в течение нескольких минут определились с направлениями. Гуров, как и собирался изначально, основным пунктом своего маршрута выбрал свингер-клуб. Он решил подробно поговорить с Антоновским, уточнить ряд вопросов, возникших к нему. Затем, в зависимости от того, как и кому удастся по времени, кто-то из них поедет в министерство, где работал новопреставленный господин Сивяркин.

Кроме того, Лев Иванович решил дать задание своему бессменному информатору Константину Бородкину, в криминальном мире известному под погонялом Амбар. Разумеется, учитывая особую щекотливость темы, этого субъекта не следовало слишком уж глубоко посвящать в обстоятельства происшедшего. Но и нехватка информации заведомо обрекала работу Амбара на пустопорожний бег на месте. Поэтому Гуров счел резонным сформулировать задание не в лоб, а в несколько косвенном варианте.

Услышав в трубке хорошо знакомый дребезжащий тенорок, он сообщил, что хотел бы узнать, кто такой Валентин Сивяркин, чем занимается и жив ли на настоящий момент. Немного похмыкав, Бородкин заверил, что нынче же прозвонит братву, узнает, что это за хмырь и чем он дышит.

Сразу же после этого разговора Лев Иванович позвонил в свингер-клуб, но никто ему не ответил. Не было отклика на звонок по второму номеру, по третьему. Не отозвался и сам Антоновский.

Тогда полковник позвонил на телефон главного бухгалтера консалтинговой фирмы «Ноу-Хау-Вест» и услышал женский голос, скороговоркой произнесший крепко заученную фразу:

– Добрый день! Консалтинговая фирма «Ноу-Хау-Вест» рада вас приветствовать. Готовы вас выслушать и помочь.

Поздоровавшись и представившись, Гуров объяснил, по какому вопросу он звонит. Его собеседница несколько опешила от такой неожиданности, потом сообщила, что в данный момент Евгений Эрастович отсутствует. Она не знает, где он находится. Однако только что подошел его заместитель, Бубникс Георгий Павлович, который может ответить на все вопросы, интересующие уважаемого господина полковника.

Лев Иванович попросил пригласить заместителя к телефону. Через несколько секунд в трубке послышался сытый баритон уверенного в себе дельца, наполненный претензиями на некую особую значительность собственной персоны. Узнав, что сотрудник главка уголовного розыска собирается осмотреть здание, он уведомил Гурова, что сильно занят. Ему сейчас придется уехать, однако он не будет возражать, если Яна Константиновна окажет господину полковнику все необходимое содействие.

Гуров вызвал из гаража главка машину – сержант Юрка с его «Ладой Приора» с утра числился выходным после суточного дежурства – и снова отправился на улицу Полтинную. Прибыв туда уже ближе к полудню, он с удивлением обнаружил, что днем, в отличие от ночи, почти вся эта улица была плотно забита автотранспортом, тогда как пешеходов замечалось не так уж и много. Судя по всему, здесь располагалось сразу несколько каких-то контор, организаций, мелких и крупных шарашек. В них работало немалое число сотрудников, другие же люди приезжали сюда как клиенты.

Лев Иванович вышел из машины у здания консалтинговой фирмы «Ной-Хау-Вест», она же – свингер-клуб «Сады Астарты», отпустил шофера поискать место для парковки и направился к вестибюлю. Швейцара у входа на сей раз не было. Видимо, его держали для декора в вечерние часы, когда сюда приезжали особо важные клиенты.

Впрочем, и сама дверь была заперта изнутри. Сыщику пришлось стучать кулаком в стекло. Достаточно скоро в вестибюль вышел охранник и вопросительно взглянул на визитера, незнакомого ему. Однако удостоверение, предъявленное полковником, оказалось вполне убедительным аргументом.

Щелкнул замок, и Лев Иванович прошел в совершенно безлюдный холл здания. Охранник, следовавший за ним, пояснил, что Яна Константиновна находится в бухгалтерии, которую можно найти, пройдя через дверь в конце холла, за зеленой завесой разросшейся монстеры и сансеvierы. И в самом деле, обогнув редут тропической зелени, Гуров увидел в стене дверь, за которой обнаружился коридор, куда открывалось несколько дверей подсобных, технологических и служебных помещений.

Сыщик подошел к двери с табличкой «Бухгалтерия», постучался и вошел в помещение, заставленное типовыми шкафами с бухгалтерской документацией. За столом с компьютером сидела женщина средних лет, больше напоминающая школьную учительницу русского языка и литературы. На какой-то миг Льву Ивановичу показалось, что она сейчас поднимется и скажет: «Дети, сегодня мы будем учить правописание «жи-ши» и «ча-ща».

Но хозяйка кабинета, приветливо улыбнувшись, поинтересовалась, что может предложить своему гостю – чай или кофе. Гуров поблагодарил ее и пояснил, что хотел бы прежде всего осмотреть здание, а поэтому просил бы кого-нибудь из здешних сотрудников его сопроводить и дать все необходимые пояснения.

Женщина понимающе кивнула в ответ, набрала на сотовом чей-то номер, дождалась отклика и попросила какого-то Володю зайти в бухгалтерию.

Этот самый Володя оказался плотным, неплохо скроенным парнем с кучерявым чубом. На нем была черная униформа. Первым делом Лев Иванович решил осмотреть наружный периметр здания. Они с Володей прошли через вестибюль, спустились по лестнице и свернули направо. Шагая вдоль стены, сложенной из красивого старинного темно-красного кирпича, Гуров внимательно осматривал окна, закрытые решетками, и утоптанную дорожку, уже усыпанную ранними желтыми и оранжевыми осенними листьями. Однако сыщик не обнаружил

никаких следов, даже намеков на то, что в том или ином месте кто-то приближался к зданию со стороны сквера, окружающего его.

Лев Иванович снова свернул направо, за угол. С обратной стороны корпуса он увидел в стене большую железную дверь. К ней подходила асфальтовая дорога, бегущая через сквер на соседнюю улицу. Он подошел к двери и дернул за ручку. Но она была заперта надежно, поэтому даже не шелохнулась.

Гуров оглянулся и спросил у Володи, который с интересом наблюдал за его действиями:

– Это черный ход? Как часто им пользуются?

– Вообще-то почти ежедневно, – пояснил тот. – У нас держат марку. Поэтому продукты и напитки используются только самые свежие. Больше двух-трех дней тут ничего не залеживается. А как еще может быть? Наши ВИП-персоны – народ капризный. Если у нас икра, то напрямую с хорошей базы для элитарных заведений, но никак не для массового потребителя. Вчера днем привозили вина, сигары, сыры и фрукты.

Лев Иванович согласно кивнул в ответ и молча продолжил путь. Он все так же внимательно отыскивал возможные следы злоумышленника, но уже был почти уверен в том, что тот воспользовался именно этим вот служебным входом. Миновав просторную асфальтированную парковку, расчерченную белыми линиями, с будкой охранника и «кобрами» светильников, Гуров снова свернул вправо и направился к крыльцу.

Они с Володей вошли в здание, проследовали по уже знакомому коридору и подошли к двери служебного входа с внутренней стороны. Изучив запоры, Лев пришел к выводу, что изнутри их отомкнуть особых проблем не составляет. А захлопнуть следом за собой – и того проще, поскольку замки были настроены на автоматическое срабатывание. Это наводило Гурова на мысль о том, что убийца, любым возможным путем проникнувший в здание, мог без проблем его покинуть именно через эту дверь и не оставить при этом никаких следов.

Потом Гуров осмотрел складские помещения и подсобки, соседствующие со служебным входом, заглянул в помещения кухонного блока. Невдалеке от двери кухни он увидел еще одну.

– А эта куда ведет? – Гуров ткнул в нее указательным пальцем.

– На второй этаж. Через нее в будуары и гостиную доставляются продукты и напитки, – пожав плечами, сообщил охранник.

Как видно, он терялся в догадках, для чего этому сыщику, о котором в дежурке не слышал только глухой, понадобилось выяснять такую ерунду, как то, куда и какая дверь ведет.

Лев Иванович не проявил никаких намерений ползать с лупой по полу, разыскивая следы убийцы. Он понимающе кивнул, открыл дверь и окинул взглядом просторный коридор с лестницей, застеленной ковровой дорожкой, и стенами, выложенными красивой керамической плиткой. Гуров кивком пригласил Володю следовать за собой, поднялся на второй этаж, открыл еще одну дверь и оказался в уже знакомом коридоре с приватными номерами. Прямо напротив выхода с лестницы полковник увидел дверь с табличкой «Прислуга».

– Открывай! – лаконично распорядился он.

Володя молча достал из кармана ключи и открыл дверь. Гуров вошел в довольно просторную комнату. Часть ее площади занимала типичная бытовка со столом, тумбочкой и диваном. А вот другую ее половину скрывала занавесь из портьерной ткани, свисающая от потолка до пола. Лев Иванович отодвинул ее и увидел перед собой что-то наподобие центра наблюдения с мониторами, закрепленными прямо на стене, толстыми пучками проводов и какой-то аппаратурой, которая размещалась на столе.

– Эти мониторы предназначены для контроля за ситуацией в будуарах? – Гуров указал взглядом на темные прямоугольники плазменных панелей.

– Ну, в общем-то, да, – не очень охотно согласился охранник.

– То есть надо понимать так, что за клиентами велось наблюдение и тогда, когда они занимались интимом? – Лев Иванович испытующе посмотрел на Володю.

Тот замялся, пожал плечами и неуверенно проговорил:

– Я точно не знаю. Тут находится только горничная, это ее пост.

– Вот как! – Гуров иронично усмехнулся. – Володя, не надо напрягаться. Меня ваши здешние корпоративные тайны не интересуют. Мне важно другое. Если велась запись, то я хотел бы ее просмотреть. Вдруг в кадре оказался убийца?

– А-а-а, это! – обрадовался парень. – Я сейчас посмотрю.

Он проворно включил аппаратуру, нажимая на нужные кнопки и клавиши вполне уверенно, как если бы занимался этим уже не раз. Засветился один из экранов. Лев Иванович увидел на нем сладкую парочку, которая постепенно освобождалась от одежды.

– Володя, мне это неинтересно, – Гуров чуть поморщился. – Перемотай-ка вперед, чтобы начать просмотр часов с десяти.

– Понял! – Парень кивнул и пробежался пальцами по клавиатуре.

Изображение тут же исчезло.

Глядя на непроницаемо-черный прямоугольник, охранник озадаченно пробормотал:

– Что за хрень? Отключилось, что ли?

– Нет, Володя, просто в десять часов съемка уже не велась, – раздосадованно произнес Лев Иванович, который уже понял, что киллер оказался хитрее, чем ему хотелось бы. – Отмотай-ка минут на пять назад.

Володя уважительно посмотрел на полковника, который явил весьма неординарную смекалку, и установил начало просмотра на двадцать один пятьдесят пять. Экран тут же засветился. Донага раздетый Сивяркин, еще без плаща и треуголки, сидел на постели и затягивал на голове Жанны, тоже совершенно лишенной одежды, черную повязку, закрывающую ей глаза. Руки и ноги женщины были уже связаны полосками черного бархата.

Покончив с повязкой, Сивяркин объявил:

«Так, Жаннулечка, теперь ты – пленная графиня на моем пиратском судне. А я – Джек Воробей, жаждущий тобою овладеть. Сейчас ты начнешь умолять меня...»

В этот момент экран погас, снова обратился в черный прямоугольник.

– Все понятно, – Гуров покачал головой. – Значит, ровно в десять часов вечера киллер выключил видеозапись и пошел в девятый будуар, чтобы там убить Сивяркина. Если здесь в этот момент находилась Наталья, то она не могла не видеть чужака. Поэтому он ее, скорее всего, связал или оглушил. Кстати, а в коридоре камеры не установлены?

– Нет, начальство считает, что там они как бы ни к чему. – Володя изобразил несогласную гримасу. – В коридоре постоянно дежури́м мы, периодически проверяем каждый закуток.

– Как видишь, зря их там не поставили, – Лев Иванович сокрушенно вздохнул. – Ладно! На вот тебе флешку, сбрось-ка на нее этот видеоматериал.

Пока охранник возился с аппаратурой, сыщик вышел в коридор и набрал на сотовом номер Крячко. Он вкратце рассказал Стасу о системе видеонаблюдения.

Потом полковник вернулся в бытовку и, наблюдая за манипуляциями охранника, как бы невзначай поинтересовался:

– А ты здесь давно работаешь? На твоей памяти посторонние сюда каким-то образом не пытались пролезть?

Охранник немного помолчал, после чего неуверенно спросил:

– Вас интересуют абсолютно все случаи? Я тут около года. Так-то к нам особо-то никто и не лезет. Тут если кто увидит одного только дядю Гришу, так сразу дает задний ход. Хотя совсем стукнутые могут и на него попереть. Вот недели две назад какой-то алкаш пробовал зайти. Видимо, перепутал нас с «Бир Бэром». Ну, дядя Гриша его сразу взял за хомок и спустил с лестницы. А тут еще и мы вышли. Он вмиг протрезвел. Как притопил – только пятки засверкали.

– Его лица ты не запомнил? – Гуров вопросительно взглянул на Володю. – При случае мог бы опознать?

Тот виновато развел руками и сообщил:

– Вряд ли. Какой смысл запоминать грязного алкаша? Таких поганцев тут целые косяки мотаются. Постойте! Лев Иванович, вы считаете, что это был не алкаш, а киллер, который приходил разведать обстановку? – Охранник неожиданно для себя самого явил сообразительность и смекалку.

– Вот-вот, – лаконично подтвердил полковник. – Но, может быть, его запомнил этот самый дядя Гриша?

Володя обрадованно подтвердил, что тот вполне мог бы реально помочь, поскольку обладает отменной памятью на лица и имена.

– Он наших клиентов запоминает с первого раза. Глянул – и как будто сфотографировал, – отметил парень. – Его адрес и телефон можно взять у Яны Константиновны.

На вопрос Гурова об убийстве коммерсанта, случившемся минувшим летом, охранник пояснил, что этот тип появлялся в свингер-клубе и до трагедии, случившейся с ним тем вечером. Хотя и всего один раз. Тогда он приехал совершенно один. Внутренние правила клуба не допускали этого для новичков. Однако Антоновский приказал его пропустить и, судя по всему, принял по высшему разряду. Из этого можно было сделать вывод, что они были хорошо знакомы и даже имели какие-то общие дела. Володя не знал, с кем из клубных дамочек уединялся коммерсант, но до его слуха на следующий вечер долетело раздраженное суждение одной из этих особ. Она довольно громко заявила, что этого потного кабана сюда можно было бы и не пускать.

Убили коммерсанта во время его второго визита в «Сады Астарты». Он, по сути, даже не успел выйти из машины. Сам Володя этого момента не видел, но напарник рассказывал ему, как произошло покушение. Застрелил коммерсанта и в самом деле мотоциклист, подготовка которого, судя по всему, была на уровне хорошего гонщика-экстремала. Да и стрелял он виртуозно.

Охранник рассказал, что в связи со случившимся на Полтинную примчалось сразу две опергруппы. В свингер-клуб приходил какой-то амбициозный майор, который, источая апломб, с ходу начал стращать охранников и швейцара уголовной ответственностью за дачу ложных показаний. Те вначале было разоткровенничались, но постепенно ушли в глухую защиту. Мол, ничего не видели, не слышали, не знаем. Донельзя раскипятившийся майор ушел от них ни с чем. Судя по всему, того же результата он добился и в пивбаре.

– Ну а кто будет откровенничать с таким остолопом, пусть он и майор?! – Охранник саркастично усмехнулся и безнадежно махнул рукой: – Если человек больной на всю голову, то, по-моему, на такой работе ему делать нечего.

После того происшествия с коммерсантом Антоновский оборудовал стоянку для автотранспорта клиентов во внутреннем дворе. Теперь члены клуба уже не имели необходимости мыкаться по Полтинной, выбирая место для парковки.

Гуров забрал у Володи флешку и пообещал никому не говорить о том, что им была сделана копия видеозаписи. Потом он спустился на первый этаж и снова зашел к главной бухгалтерше. Яна Константиновна без лишних разговоров нашла адрес и телефон швейцара Щупрова Григория Дмитриевича. При этом она предупредила сыщика, что дядя Гриша – заядлый рыбак, поэтому в свободное время дома застать его очень трудно.

Лев Иванович поблагодарил свою собеседницу, направился к выходу, но неожиданно остановился у двери и спросил:

– Яна Константиновна, а всякие там разные проверяющие вас тут не слишком часто беспокоят?

Женщина недоуменно похлопала густо покрашенными ресницами, задумчиво улыбнулась и как бы про себя негромко произнесла:

– Всякое случается, разное бывает. Вас они все интересуют или кто-то персонально?

Гуров вернулся назад, сел напротив Яны Константиновны и пояснил, что его может интересовать человек, который предположительно работает в налоговой инспекции. Это молодой мужчина средних лет с короткой стрижкой, стройный, подтянутый, спортивный, легкий в движениях.

Выслушав его, женщина утвердительно кивнула и сказала:

– Был именно такой, каким вы его описали. Примерно месяц назад приходил. – В ее взгляде мелькнуло что-то мечтательное. – Очень интеллигентный, но при этом необычайно мужественный, даже брутальный. Прямо Штирлиц номер два. Таких мужчин, конечно, не слишком много. Кстати, простите за комплимент, но вы из этой же категории. Чем-то даже с ним похожи. Он только ростом чуть пониже.

Как далее рассказала Яна Константиновна, этого самого Штирлица очень интересовали поставщики продуктов, цены, назначаемые ими, и многое другое. Например, вся ли оплата проходит через бухгалтерию. Штирлиц просмотрел текущие отчеты, проявил отменные знания по части бухгалтерского учета и ведения документации. Он даже сделал небольшую подсказку по части разноса платежей по тем или иным счетам в соответствии с современными требованиями Министерства финансов. Никаких бакшишей, в отличие от многих своих коллег, он не потребовал. Закончив дела, Штирлиц просто попрощался и ушел.

– Скажите, а от какого поставщика к вам вчера были завезены продукты? – благодарно кивнув в ответ, спросил Гуров.

– Так, вчера. – Яна Константиновна пробежалась пальцами по клавишам компьютера. – Значит, это ООО «Курьер-Люкс», один из наших постоянных поставщиков, очень добросовестный, надо сказать. Они базируются на улице Вторничной, почти у МКАДа. С этой базы берут продукты многие рестораны высшего класса. Правительственные структуры тоже частенько там отовариваются. Цены, конечно, высокие, иной раз астрономические, зато и качество соответствующее.

– Ясно. – Лев Иванович потер переносицу. – А про то, что случилось вчера вечером на втором этаже вашего заведения, вы уже слышали?

– А-а, вы об убийстве мужчины? Да, в общих чертах мне сегодня об этом рассказали. Ужасная история!.. – В голосе Яны Константиновны зазвучали нотки жалости. – Кто же и за что его убил?

– Вот это мы и пытаемся выяснить. Кстати, а вы не могли бы нам помочь составить фоторобот того самого Штирлица? Мы были бы вам очень признательны. – Гуров выжидающе посмотрел на свою собеседницу.

– А он что, в чем-то подозревается? – На лице женщины отразилось недоумение и разочарование.

– Скорее нет, чем да. – Лев Иванович слегка слукавил и улыбнулся: – Он – ценный свидетель, который по ряду причин не очень настроен делиться информацией, интересующей нас.

Он догадался, что его собеседница без ума от Штирлица. Она никак не может согласиться с тем, что мужчина, запавший в ее душу, – опасный преступник, убийца. Чтобы не случилось осечки с фотороботом, ее чувства следовало пощадить. Так Гуров и сделал.

Яна Константиновна просияла, охотно кивнула в ответ и заявила:

– Хорошо, давайте составим! После обеда я свободна. Мне куда и во сколько подъехать?

Гуров написал на листе бумаги адрес, указал время и контактные телефоны, а потом наконец-то смог распрощаться с «Садами Астарты». Выходя на улицу, он достал телефон, набрал номер заместителя начальника информационного отдела капитана Жаворонкова и попросил того найти максимум информации по Антоновскому и Бубниксу.

Затем Лев Иванович позвонил домой швейцару Щупрову, тому самому дяде Грише. Услышав в трубке уже знакомый рыкающий бас, он представился и сказал, что хотел бы встретиться. Швейцар не проявил явного восторга, но держался достаточно вежливо и дал свое согласие.

С Полтинной полковник отправился на улицу Артельную, где и проживал швейцар свингер-клуба. Шофер, истомившийся в ожидании пассажира, лихо стартовал с парковки и прокадил по улицам с ветерком, хотя ехать пришлось всего каких-то десять минут.

Как оказалось, Гуров позвонил вовремя. Щупров уже собирался отбыть на рыбалку, к тому же с ночевкой. Он пригласил нежданного гостя в дом и стал радушно угощать его рыбным пирогом собственного производства. Как оказалось, дядя Гриша был родом с Урала, где это блюдо весьма распространено. Он охотно согласился помочь с составлением фоторобота того настырного выпивохи.

– Я не стал бы спускать его с крыльца, если бы он не нахамил, – наливая себе и гостю чаю, неспешно рассказывал Григорий. – Прет, понимаешь, как баран на новые ворота. Я его спрашиваю, мол, куда?! А он: «Да пошел ты, холуй!» Меня это здорово задело. Да, я швейцар, но холуем никогда не был и не буду. Сгрел его за шкирку и пустил в свободный полет.

Щупрову показалось, что тот тип был не столько пьян, сколько нагонял на себя куража. Ростом он чуть ниже Гурова, да и не слаб, как видно. Не будь у швейцара мощной спортивной подготовки тяжелоатлета, ему вряд ли удалось бы справиться с этим странным скандалистом.

Григорий сказал, что в швейцары он подался, потеряв свое прежнее место работы. Он и в самом деле был штангистом, к тому же мастером спорта. Свою спортивную карьеру дядя Гриша закончил еще в девяностые годы. Последним его достижением было серебро на первенстве России.

Щупров занялся тренерской работой. Он оборудовал спортклуб в заброшенном помещении и очень скоро имел целую команду перспективных тяжелоатлетов, которые успешно выступали на юношеских первенствах столицы. А кое-кто выходил и на Россию.

И все бы ничего, да года три назад кто-то неизвестный положил глаз на некогда бесхозное помещение и земельный участок под ним. Тут же, прямо как по команде, начались всевозможные проверки, придирки, притеснения. В паре продажных газетенок вышли лживые материалы, в которых рассказывалось о том, что Щупров якобы готовит будущих рэкетиров.

Поводом для этих утверждений стала выходка одного бездельника, который в спортклубе и занимался-то всего какой-то месяц. Этот «тяжелоатлет» напился, устроил дебош в кафе да еще и попытался его ограбить. Суд назначил сопляку два года условно, а вся грязь была вылита на команду и ее тренера.

Вскоре налоговиками и коммунальщиками были найдены несуществующие долги. Арбитраж решил вопрос в их пользу. Приехали приставы и вывезли из клуба в неизвестном направлении штанги, гири, гантели, канаты, тренажеры. Все остальное было изломано и уничтожено.

Городское спортивное начальство объявило, что клуб Щупрова подлежит закрытию. Его деятельность, видите ли, не соответствует принципам спортивной этики. Тренер воспитывает в спортсменах культ грубой силы и даже криминальные наклонности.

– Меня и сейчас мои ребята встречают и спрашивают: «Дядя Гриша, а когда мы снова будем заниматься?!» – Щупров горестно вздохнул. – Что им ответишь? Клуба нет, денег и разрешения – тоже.

Потому-то три года назад он и подался в швейцары, тем более что жалованье ему предложили весьма солидное. Григорий знал, что за публика и для чего именно собиралась в этом здании, но осуждать или одобрять этих людей не брался. Сам он был твердым приверженцем старых семейных традиций, в этом же духе воспитал и своих детей. Участников свингер-вече-

рынок дядя Гриша рассматривал как персон болезных и убогих, достойных лишь сочувствия и сожаления.

Помнил Щупров и про случай с убийством коммерсанта. Это произошло у него на глазах. В поздних вечерних сумерках на парковку подрулил шикарный джип. Прохожих в тот час на этом участке Полтинной было мало. Даже подле пивбара почти никого не оказалось.

Хозяин джипа открыл дверцу и левой ногой ступил на асфальт. В этот самый момент по улице промчался легкий гоночный мотоцикл без номеров, появившийся словно из ниоткуда. Его седок в облегающем спортивном костюме и шлеме, закрывающем всю голову, выписал стремительный вираж и за долю секунды оказался рядом с джипом.

Из чего именно стрелял мотоциклист, Григорий не видел. Но, скорее всего, из пистолета с глушителем. Раздалось несколько приглушенных хлопков. После чего снова взревел мотор, и киллер исчез за ближайшим поворотом.

Все это произошло в течение всего нескольких секунд. Никто из людей, находившихся рядом, сразу и не понял, что же вообще приключилось. Лишь когда раздался женский крик: «Человека убили!», стало ясно, что это не розыгрыш, не инсценировка, а настоящее преступление.

Майора Крайнего Григорий определил как человека недалекого, с избытком самомнения и пренебрежения к окружающим. Щупров взялся рассказать этому оперу о том, что видел. Однако тот явно не доверял свидетелю, начал его обрывать, перебивать, одергивать, угрожающим тоном требовать каких-то особенных подробностей. Швейцар-штангист еле сдержался, чтобы не спустить с крыльца и этого зарвавшегося фанфарона. Он, как и охранники, в конце концов заявил о том, что ничего не видел, рассказал о том, что услышал от других. Майору пришлось с матерной руганью ретироваться восвояси.

Лев Иванович договорился с Щупровым о времени прибытия того в главк и вышел на улицу. Он созвонился с криминалистами и предупредил их о том, что сегодня к ним должны приехать двое свидетелей для составления фотороботов.

Теперь его путь лежал на улицу Вторничную, на базу «Курьер-Люкса». Когда сыщик сел в машину, зазвонил его сотовый телефон. Это был Стас.

– Лева! – В голосе Крячко звучали нотки азарта и даже некоторого ликования. – Наташа раскололась и дала интересные показания. Короче, я так понял, наш невидимка-неуловимка довольно долго окучивал этот поганый клуб, чтобы выйти на Сивяркина. Когда приедешь – расскажу. Ты сейчас куда?

– На Вторничную, там продуктовая база, снабжающая VIP-персон, – сообщил Гуров. – Кстати, не исключено, что уже сегодня мы будем иметь фоторобот этого самого невидимки-неуловимки.

Некоторое время в трубке царил молчание, после чего погасшим голосом Крячко досадливо резюмировал:

– Да, Лева, с тобой тягаться непросто... Думал тебя удивить, а теперь сам чешу репу – как только тебе это удастся? Ладно, увидимся. Я сейчас в Министерство инноваций и технологий.

И снова машина мчалась по московским улицам от одного периферийного микрорайона к другому. «Приора» удачно проскочила через несколько автомобильных пробок и летела по широкому проспекту в сторону МКАДа.

Базу «Курьер-Люкса» найти удалось не сразу. Водителю пришлось минут пятнадцать поколесить по Вторничной, сплошь застроенной складами, терминалами, разгрузочными площадками. Когда Гуров подошел к воротам с табличкой, извещающей, что это и есть искомый «Курьер-Люкс», на часах было уже около четырех. Ему удалось подкрепиться у гостеприимного швейцара-штангиста и слишком уж назойливые мысли о необходимости пообедать у него не возникали.

На проходной базы удостоверение Гурова ввело в некоторый ступор двух усатых, дебелих охранников. Судя по всему, в этой организации, приближенной к весьма высоким персонам, подобные гости появлялись крайне редко. Старший охранник поспешно созвонился со своим начальством, переговорил с ним и сообщил, что гостя уже ждет заместитель генерального директора по безопасности.

Территория, занятая фирмой «Курьер-Люкс», выглядела просто образцово. В отличие от похожих объектов не столь высокого класса, асфальт здесь был чисто выметен, контейнеры, укрытые полиэтиленом, стояли ровными рядами, автопогрузчики, разъезжавшие туда-сюда, сияли новизной.

Лев Иванович вошел в административный корпус. Вахтер указал ему на дверь кабинета прямо и направо от входа. На ней висела табличка, надпись на которой извещала всех, что здесь работает заместитель генерального директора по безопасности Макарян В.К.

Рослый мужчина под пятьдесят, с короткой седоватой шевелюрой, назвавшийся Вольдемаром Кареновичем, тоже был очень удивлен тем обстоятельством, что к нему пожаловал представитель Главного управления уголовного розыска. Маркарян выслушал Гурова, потом с озабоченным, задумчивым видом кому-то позвонил по телефону. Вскоре в кабинет вошла сотрудница бухгалтерии, которая подала Вольдемару Кареновичу бумагу с перечнем поставок за вчерашний день.

Маркарян пробежал глазами по длинному списку заказчиков, потом ткнул пальцем куда-то в его середину и сказал:

– Вот, есть «Ноу-Хау-Вест». Да, вчера продукты им возили, все согласно поданной заявке. Для доставки была выделена пятьсот восемьдесят пятая «Газель», водитель Фоменкин. Старший грузчиков – Аляев. А они сейчас где? – возвращая бумагу, спросил он бухгалтершу.

– Это надо уточнять у диспетчера, – ответила женщина и развела руками.

– Да-да, сейчас узнаем, – снимая трубку, пробормотал Макарян.

Как оказалось, команда Аляева в этот момент находилась на выезде и вскоре должна была вернуться. Учитывая наличие свободного времени, хозяин кабинета предложил Льву Ивановичу выпить кофе. Заодно он попросил уточнить, что же такое серьезное ведомство, как главк угрозыска, хочет узнать от грузчиков их базы. Как это может быть связано с доставкой продукции в консалтинговую фирму?

Гуров в нескольких словах пояснил, что их сотрудники ему нужны лишь как свидетели. А вот о том, что и где случилось, он подробно говорить не может по вполне понятным причинам.

– Убит клиент некоего заведения, посещаемого важными людьми, – пожав плечами, добавил Гуров. – Это все, что я могу вам сказать.

– Вы не Валентина Сивяркина имеете в виду? – отпивая кофе, уточнил Макарян.

– Вы знаете об убийстве Сивяркина? – Лев Иванович сокрушенно покачал головой.

Ай да секретность, о которой вчера так рассусоливал Петр!..

– Ну да. – Его собеседник невозмутимо пожал плечами. – Утром знакомый позвонил, говорит, дескать, Вольдемар, Валяна Сивяркина пришили. Вчера он был в своем клубе по интересам и там получил нож в сердце. Я очень удивился, даже расстроился. Что за беспредел такой творится?!

– А вы с Сивяркиным были хорошо знакомы? – спросил Гуров, поняв, что сейчас у него есть возможность получить интересную информацию.

– Не сказал бы, что хорошо, но иногда пересекались. Когда еще он был председателем правления банка «Восточный бриз», наша фирма у них кредитовалась, заодно снабжала их первых лиц высококлассными деликатесами. Поэтому иногда мы оказывались пусть и не рядом, за одним и тем же столом, но в одном банкетном зале. Что я о нем помню? Таких людей называют жизнелюбами. Деньгами сорил направо и налево. А их у него было всегда в избытке. Баб охмурил почему зря. О-о-о! Казанова, как сейчас говорят, нервно курит в сторонке. Когда

Валентин стал помощником Ступцова, министра инноваций и технологий, он почти весь свой отдел уволил. Всех бабок и теток отправил на пенсию или перевел на периферию, а взамен набрал молодых, красивых и безотказных. Ох как он с ними куролесил! Прямо в своем кабинете... – Макарян рассмеялся с нотками легкой укоризны.

– А о некоем свингер-клубе «Сады Астарты» вы что-нибудь слышали? – уже отбросив всякое секретничанье, поинтересовался Лев.

– А кто о нем не слышал? – Вольдемар развел руками. – Он же прячется за спиной «Ноу-Хау-Веста». Там развлекаются люди очень крупные, весьма известные. Если их имена попадут в СМИ, то скандал будет, я вам скажу, грандиозный.

– А вот как вы, позвольте спросить, относитесь к подобным формам досуга? – Гуров с интересом взглянул на собеседника.

– Нет, это не для меня! – Макарян категорично помахал рукой. – Нет, конечно, я не свят, но всему же есть границы! Кому-то отдать свою жену и при ней же ложиться в постель с другой – это уже что-то от животного, стадного. Сами-то вы как на это смотрите?

– В этом плане я консерватор, – ответил Гуров и сдержанно улыбнулся.

– Вот именно! – поддержал его Вольдемар. – Конечно, всю эту свингерщину кроме как дуростью не назовешь. Но я все равно не понимаю, кто и за что мог его убить. Явных врагов у Валентина не было. Те люди, с которыми он развлекался в одной компании, ревновать не могут в принципе. Для них это норма. Разве что схватился за нож какой-нибудь рогоносец из числа мужей его сотрудниц? Не знаю.

В кабинет заглянула секретарша и сообщила, что команда грузчиков Андрея Аляева уже прибыла и ждет распоряжений.

– Пусть зайдут сюда, – Макарян сделал приглашающий жест. – Здесь с ними побеседуем.

Через минуту, тяжело топая ботинками грубоватого рабочего фасона, в кабинет вошли трое рослых молодых мужчин в синих комбинезонах и кепках с надписью «ООО Курьер-Люкс».

Круглолицый крепыш с белесыми усами поздоровался и поинтересовался:

– Вызывали, Вольдемар Каренович?

– С вами хочет поговорить товарищ полковник из органов внутренних дел. Присаживайтесь!

– Ух ты!.. – с некоторой многозначительностью вполголоса произнес один из грузчиков, обменявшись взглядом со своим бригадиром.

Лев Иванович выяснил у парней, кого из них как зовут, и поинтересовался, в каком составе они вчера работали на разгрузке продуктов на улице Полтинной.

– А, это в «Ноу-Хау-Вест», что ли? – Круглолицый молодой мужчина, который назвался Вадимом, понимающе кивнул. – Вместо Геннадия вчера был Максим Хомутов. Но он сегодня утром почему-то не вышел на работу. Его сотовый не отвечает. Пришлось Генку вызвать с выходного.

Лев Иванович мысленно констатировал, что этого самого Максима – если только это его настоящее имя – на этой базе теперь вряд ли кто-то увидит. Потом полковник попросил грузчиков рассказать все, что они знают о Хомутове.

По словам Вадима, тот устроился к ним меньше месяца назад. Работал добросовестно, не отлынивал, выполнял все, что бы ни поручили. Но была в нем и некоторая странность. Он очень не любил рассказывать о себе, при этом умел мастерски уйти от любого неудобного вопроса, отделившись шуткой, переведя разговор в другое русло, найдя уместный повод куда-то отлучиться.

По пути парни вчера забросили заказы еще в две точки. К зданию «Ноу-Хау-Веста» они приехали уже в конце своего маршрута. Здесь особо разгружать было нечего. Продуктов оказа-

лось совсем немного. Все происходило точно так же, как и обычно. Старший охранник открыл им дверь служебного входа, они занесли коробки и ящики в складское помещение.

Перед тем как «Газель» прибыла к «Ноу-Хау-Вест», Хомутов по секрету сообщил Вадиму, что хочет задержаться на Полтинной. Там у него якобы то ли проживает, то ли работает некая зазноба. Все равно рабочий день уже закончен, заказов больше нет. Бригадир подумал и дал свое «добро». Максим действительно скрылся сразу после разгрузки. Причем так ловко, что этого никто даже не заметил. Вот он только что был, и уже его нет. Словно растворился в воздухе.

– Так, мужики, опишите-ка мне его, – попросил Гуров.

В какой-то момент сыщик заподозрил, что словесный портрет Хомутова запросто может оказаться полным аналогом описания Штирлица из налоговой и выпивохи, прорывавшегося в свингер-клуб.

А может быть, и мотоциклиста-киллера? Вот это действительно было бы весьма интересным моментом!..

Грузчики описали Максима Хомутова как bruneta, крепыша выше среднего роста. Лет ему, по мнению большинства, было около сорока. Он носил усы и бородку, темные очки, которые почти никогда не снимал. Максим объяснял это тем, что когда-то у него был ожог сетчатки глаз и поэтому он без очков теперь уже не может. Зубы имел ровные, снизу слева блестела золотая фикса, то есть коронка. Но не исключено, что поддельная, для отвода глаз.

На тыльной стороне левой ладони синела типично эковская татуировка – солнце, восходящее из-за горизонта, и надпись «Север». Цвета глаз не запомнил никто. Один из парней говорил – серые, другой – карие, третий – зеленые. Такую примету, как золотой перстень с печаткой на безымянном пальце левой руки, в расчет можно было не брать. Снять его или надеть – дело минутное.

Гуров договорился с Вадимом о том, что тот завтра утром явится в главк для составления фоторобота, и отправился восвояси. Когда он садился в машину, солнце уже начало уходить за крыши домов.

Глава 3

Стас Крячко отправился на randevу с горничной Натальей на своем любимом «Мерседесе». Эта машина была не самой первой новизны, но после капитального ремонта смотрелась весьма импозантно. Станислав рулил по столичным улицам и размышлял, как ему лучше обставить встречу с этой женщиной, чтобы с ходу раскрутить ее на полную откровенность.

В какой-то момент у него даже появилась идея использовать уже не единожды испытанный прием, который условно можно было бы назвать «Благородный незнакомец спасает красавицу от чудовищ». В качестве дежурного злодея опять можно было бы задействовать капитана Жаворонкова и пару ребят из группы стажеров. В истории с похищением герцога Урриморского этот фокус сработал без сучка без задоринки. Все прошло как по маслу. Очаровательница из Шереметьева, «спасенная» тогда Стасом, стала настоящим кладом ценной оперативной информации. А сколько будоражащих душу мгновений она подарила ему самому!

Но, поразмыслив, Крячко решил с этим вариантом повременить. Тут и Валерку Жаворонкова надо отрывать от дела, а Лева, поди, загрузил его как савраску. Неплохо бы еще и разобраться с обстановкой на местности. Кроме того, Наталья вчера могла его запомнить, когда они с Гуровым приезжали на место происшествия. Конечно, не факт, что в условиях шока и общего потрясения она была на такое способна. Но если это так, то есть немалый риск, что горничная в момент раскусит устроенный им спектакль. Тогда из подобной затеи получится полная дуристика.

«Ладно, – подумал Станислав, – попробуем что-нибудь другое. Рассудим логически. Домой она вернулась поздно, значит, и встанет не с самого утра. Час-полтора, как и всякая баба, потратит на себя, горячо любимую: завтрак там, глаза нарисовать. А потом чем может заняться? Скорее всего, по магазинам побежит. А вот там-то ее и можно будет чем-то как-то зацепить».

Он взглянул на часы и прикинул, что если его расчеты верны, то как раз в течение ближайшего часа Наталья и должна бы отправиться по магазинам. Ну а если нет, то ему придется действовать обычным, шаблонно-тупым порядком – созвониться, представиться, договориться о встрече, задать дежурные вопросы. Скучотища! Никакой романтики, ни малейшего намека на креатив, как это сейчас называют.

Стас прибыл на улицу Челюскинцев и нашел дом девятнадцать, который оказался типичной девятиэтажкой, построенной лет тридцать назад. Он вычислил, в каком именно подъезде может находиться квартира сто пятьдесят один. Потом Крячко припарковался напротив дома, включил музыку, откинулся на спинку кресла и заранее запасся терпением. Он краем уха слушал попсу, транслируемую FM-радиостанцией, и не отрываясь следил за дверью подъезда. Кто-то входил в дом, кто-то покидал его. Натальи заметно не было.

Но Станиславу терпения было не занимать. Он поборол зевок – запредельный недосып минувшей ночи давал себя знать, – взглянул на дверь подъезда и неожиданно для себя увидел ту самую женщину, ради встречи с которой и приехал сюда. Она вышла на улицу и в полном соответствии с предположениями Крячко неспешно зашагала к большому сетевому супермаркету, встроенному в первый этаж соседнего дома.

Стас дождался, когда Наталья скроется в магазине, быстро перегнал машину на парковку для покупателей и тоже вошел внутрь. В этот момент зазвонил его телефон. Это был Гуров, который сообщил о системе видеонаблюдения в свингер-клубе, только что обнаруженной им.

Стас взял корзину для покупок и пошел вдоль длинных стеллажей с продуктами, осмысливая новость, только что услышанную от товарища. Надо же! Кто бы мог подумать, что господа строители этого, по сути, борделя держали свою клиентуру под наблюдением да еще и

снимали их развлечения на видео! Интересно, только себе на память или чтобы потом была возможность кого-то шантажировать?.. Это важный вопрос!

На не слишком людном пространстве торгового зала отыскать Наталью оказалось несложно. Она шла вдоль холодильных витрин с молочными продуктами. Стас для блезира кинул в корзину батон и пакет баранок, после чего прошел в конец молочного отдела и медленно двинулся ей навстречу.

Когда они поравнялись, он взял пакет ряженки и недовольно проворчал:

– И где тут они ставят срок годности? – Сыщик огляделся по сторонам, как бы ища чьей-то поддержки.

Он взглянул на Наталью, прикинулся, что видит ее впервые, показал ей пакет и спросил, пожимая плечами:

– Вы не можете разобраться с этой абракадаброй? Не знаете, где тут ставится срок годности продукта?

Женщина дружелюбно улыбнулась, взяла пакет и показала пальцем на мелкие цифры, выдавленные на пластике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.